https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-281-294
https://elibrary.ru/BKDXRP
УДК 82.0
Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

АНТИНОМИЯ ИСТИНЫ И ВЫМЫСЛА В ТВОРЧЕСТВЕ В.Я. БРЮСОВА В ТРАКТОВКЕ М.Л. ГАСПАРОВА

© 2026 г. Н.А. Дровалёва

Исследование выполнено в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248, URL: https://rscf.ru/project/24-18-00248/

Аннотация: В статье предпринята попытка выявить особенности восприятия антиномичности русского модернизма и рассмотреть антиномию истины и вымысла — одну из ключевых антиномий, с учетом которой теоретики и историки литературы осмысляли творческие поиски В.Я. Брюсова. Так, работы М.Л. Гаспарова о Брюсове, проследившего особенности антиномической поэтики указанного периода, не становились предметом пристального интереса современных исследователей. Исследования античного наследия и особенностей перевода наложили отпечаток на восприятие ученым истины и художественного вымысла в произведениях «серебряного века». В произведении истина и вымысел не антитетичны и представляются неразделимой общностью, так как истина может быть найдена только посредством постижения художественного произведения, что закономерно вводит вопрос о роли поэта в истории. Поэт, соприкасаясь с тайной прошлого, должен угадать будущее. В этом отношении показательны античные романы Брюсова и роман-мистификация «Огненный ангел».

Ключевые слова: антиномичность поэтики, истина, вымысел, В.Я. Брюсов, М.Л. Гаспаров, модернизм

Информация об авторе: Наталия Алексеевна Дровалёва — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1095-299

E-mail: n.drovaleva@mail.ru

Для цитирования: *Дровалёва Н.А.* Антиномия истины и вымысла в творчестве В.Я. Брюсова в трактовке М.Л. Гаспарова // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 281–294. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-281-294

THE ANTINOMY OF TRUTH AND FICTION IN THE WORKS OF V. YA. BRYUSOV IN M.L. GASPAROV'S INTERPRETATION

© 2026. Natalia A. Drovaleva

Acknowledgements: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, with the support of a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project no. 24-18-00248, Available at: https://rscf.ru/project/24-18-00248/).

Abstract: This article attempts to unearth the peculiarities of percepting the antinomicity of Russian modernism and to examine the antinomy of truth and fiction, one of the key antinomies taken into account by literary theorists and historians while interpreting the creative process of V. Ya. Bryusov. For example, the articles about Bryusov by M.L. Gasparov himself, the scholar who outlined the features of antinomic poetics of the period in question, have never been the subject of close interest for modern researchers. The scholar's perception of truth and artistic creativity in the works of the Silver Age writers was influenced by his research into the ancient heritage and the specifics of translation. In any work of art truth and fiction are not antithetical and appear inseparable, since truth can only be found through understanding said work, which naturally introduces the topic of the role of poets in history. A poet, an artist of the word, is a vessel of the antinomy of truth and fiction. A poet, confronting the mystery of the past, must divine the future. Bryusov's classical novels and his novel "The Fiery Angel" serve as quite indicative examples of this.

Keywords: antinomicity of poetics, truth, fiction, V. Ya. Bryusov, M.L. Gasparov, modernism

Information about the author: Natalia A. Drovaleva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1095-299

E-mail: n.drovaleva@mail.ru

For citation: Drovaleva, N.A. “The Antinomy of Truth and Fiction in the Works of V.Ya. Bryusov in M.L. Gasparov’s Interpretation.” *Antinomichnost’ poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl’* [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 281–294. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-281-294

Брюсоведение и «антиномическая поэтика»

История мирового брюсоведения насчитывает не одно десятилетие и имеет свои магистральные темы, заданные современниками поэта и сформулированные в рамках посмертных исследований, в том числе «внутри» «Брюсовских чтений». Темы монографий, статей и докладов составляют отдельные блоки — «Биография Брюсова», «Брюсов и современники», «Брюсов и война», «Поэзия Брюсова», «Брюсов и античность» и мн. др. (см.: [12]) — и представляют исторические развороты той или иной проблемы. Теоретическое осмысление места поэта в ряду других творческих концепций и философско-эстетическое изучение как поэзии, так и прозы В.Я. Брюсова остается на периферии (несмотря на расхожее представление о том, что философские категории творчества были подробно изучены брюсоведами [2; 5; 14; 15; 18]). Сколько-нибудь полная история брюсоведения представляет собой дело будущего, требующее предварительного поиска опорных точек для определения возможности создании подобного исследования.

Некоторые важные особенности интеллектуальных дискуссий ученых-литературоведов, философов и историков конца XX в., которые могли бы стать новой страницей в истории российского академического литературоведения последних десятилетий в его теоретическом ключе, а не исключительно историко-литературном, были осмыслены А.В. Марковым применительно к М.Л. Гаспарову и В.В. Бибихину, которые «не представляли себя ни как лидеры научных школ, ни как создатели каких-то проектов или объединений людей, даже не были создателями какого-либо “круга” собеседников» [11, с. 97]. Поэтому, вероятно, теоретическое осмысление творчества и философии писателя в рамках одной концепции, возникновение диалога между учеными — явление, отсроченное и часто искусственно моделируемое уже в рамках истории вопроса для той или иной темы при подготовке диссертаций или монографий. Нахождение наиболее

универсальных, если такое определение может быть применено к гуманитарным наукам, методик (если не методологии) изучения «серебряного века» и брюсовского творчества, в частности, могло бы способствовать получению новых исследовательских результатов.

Так, М.Л. Гаспаров использовал для описания особенностей стилевого своеобразия «серебряного века» выражение «антиномичность поэтики». Примечательно, что это словосочетание в качестве устойчивого понятия было введено ученым только в название статьи «Антиномичность поэтики русского модернизма» [26]. В самом тексте работы определение антиномичности не дается, а проблематика статьи, по мнению самого Гаспарова, позволяет лишь наметить универсальные инструменты анализа. Об этом он прямо говорит в постскриптуме к названной статье. Таким образом, получившееся исследование, с одной стороны, дублирует, а с другой — уточняет и оформляет некоторые размышления, высказанные в предисловии к антологии «Русская поэзия “серебряного века”, 1890–1917» [27]. Здесь перед блоком произведений каждого поэта помещалась краткая пояснительная статья; большинство из этих текстов было подготовлено именно Гаспаровым, что обязало его, в частности, дать во вступительной статье необходимые обобщения применительно к поэзии русского модернизма. Главным героем гаспаровских «Поэтики “серебряного века”» и «Антиномичности поэтики русского модернизма» стал В.Я. Брюсов. Более того, творчество Брюсова интересовало Гаспарова на протяжении многих десятилетий. Ученый самостоятельно предложил некоторые свои статьи считать условным циклом, основываясь на том, что его интересовал поздний Брюсов (отметим попутно, что границы периодизации позднего творчества смещаются от работы к работе), о чем он говорит в преамбуле к своему «Академическому авангардизму» [23]. Здесь же Гаспаров дает список, который можно определить как авторский цикл статей[1]. Указанные работы Гаспарова о Брюсове не становились предметом пристально-

[1] Гаспаров отнес к работам, где осмысляется поэтика позднего Брюсова (именно для произведений зрелого Брюсова признается правомерным использование понятия «антиномичность поэтики»), следующие тексты: «1) “Синтетика поэзии” в сонетах Брюсова <…>; 2) Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец (“Брюсовские чтения–1973”. Ереван, 1975); 3) Брюсов и античность (*Брюсов В.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1975. Т. 5); 4) Неизданные работы Брюсова по античной истории и культуре (“Брюсовские чтения–1971”. Ереван, 1973); 5) Путь к перепутью: Брюсов-переводчик (В. Брюсов. Торжественный привет. М., 1977); 6) Брюсов и буквализм (“Мастерство перевода-1971”. М., 1972; “Поэтика перевода”. М., 1988); 7) Брюсов и подстрочник (“Брюсовские чтения–1980”. Ереван, 1983)» [23, с. 5].

го интереса современных исследователей[2]. Более того, особенности «антиномической поэтики» не были проанализированы на материале брюсовских текстов (размышления не получили полноценной апробации в ходе анализа конкретных произведений самим Гаспаровым в других статьях). Этот факт мог бы уточнить границы определения «антиномичность поэтики» применительно к произведениям русского модернизма и поставить вопрос о его универсальности, в первую очередь, для творчества Брюсова (не только для поэзии, как это было у Гаспарова, но и для прозы).

М.Л. Гаспаров: антиномичность и антиэмфаза

М.Л. Гаспаров в своей программной статье указывает на ключевые антиномии, сложившиеся в поэзии символизма и позже вышедшие за его пределы в диалектической динамике русского модернизма вообще:

> «Таким образом, два источника — “парнасская” строгость и символистская зыбкость; в этой зыбкости два направления — пунктирность и расплывчатость; в этой расплывчатости два осмысления символа: литературно-риторическое и религиозно-философское, — таковы основные антиномии, определяющие диалектическую динамичность русской модернистской поэтики» [26, с. 453].

С одной стороны, Гаспаров определил две совершенно противоположные траектории русского модернизма, а с другой — наметил антиномичные тенденции, способные равноправно сосуществовать в творчестве одного писателя или поэта и становиться той точкой, где возникают новые смыслы.

Заметим, однако, что Гаспаров, проницательно указав на антиномичность модернистской поэтики, не предложил конкретной методики ее анализа, что, на наш взгляд, стало причиной частого восприятия концепции младшими современниками исключительно в узком понимании. Так, А.Н. Мурашов выражал сомнение в правомерном сведении поэтики «русского модернизма к бинарной оппозиции». По его мнению, тезис о «так и не разрешающемся “качании” между антино-

---

[2] Отметим, что некоторые замечания относительно фигуры Брюсова в гаспаровских исследованиях были сделаны Д.М. Магомедовой в работе, посвященной Вяч. Иванову [9].

мичными полюсами» [13, с. 7] является упрощенным представлением о поэтической эволюции. В статье А.Б. Устинова «Поэтические прогулки Василия Комаровского или частный случай “антиномической поэтики русского модернизма”», вошедшей в сборник «В.Я. Брюсов и русский модернизм» (2004), принцип антиномизма рассматривался в качестве иллюстрации к смене течений и наследованию поэтических стратегий. В. Комаровский, по мнению автора, оказался в сложном отношении к антиномичной поэтике русского модернизма: «Ни в сторону движения парнасской линии, как это произошло в акмеизме, ни в сторону развития символистских максим у футуристов, его поэтика не двинулась...» [16, с. 120]. Устинов говорит о «точке холода», на которой остался Комаровский. Трудно сказать, как она соотносится с антиномичностью, которую имел в виду Гаспаров.

Гораздо продуктивнее обратиться к понятию, о котором Гаспаров пишет в упоминаемом выше постскриптуме[3]: именно оно могло бы стать ключевым инструментом при анализе текстов исследуемого периода.

> «Наиболее интересным для меня было понятие “антиэмфазы” как стилистического тропа (параллельного, но не тождественного “символу” как содержательному приему); думается, что формализация и детализация этого понятия могла бы помочь анализу текстов модернистической и авангардистской литературы, для которых, как обычно считается, традиционный анализ тропов и фигур будто бы непригоден <…> О выделении такого нового тропа писал еще С. Аскольдов и предлагал для него название “концепт”» [26, с. 455].

В работе С. Аскольдова (Алексеева) «Концепт и слово» (1928) речь идет о том, что после образования общностей «на почве операций над конкретностями» возникает «мгновенное и трудноуловимое мелькание “чего-то” в нашем уме. <…> Концепты — это почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей» [1, с. 272]. Эту установку на суггестивность Гаспаров считал вполне закономерной для модернизма, который к шести имеющимся тропам риторики добавил еще один, основанный не на сужении значения (эмфаза), а на его расширении и, что важно, размывании — что как раз и сближается с аскольдовским пониманием концепта («трудноуловимое мелькание “чего-то” в

[3] Как правило, статья цитируется исследователями по изданию 1995 г. [25], в котором постскриптум отсутствует. Понятие «антиэфмаза» возникает уже в предисловии к тексту «Поэтика “серебряного века”» [27].

нашем уме»). Этот троп Гаспаров назвал «антиэмфазой», отметив, что сами художники для обозначения нового приема избрали «символ»:

> «Когда Блок пишет: “Лишь телеграфные звенели на черном небе провода”, — то можно лишь сказать, что эти провода означают приблизительно тоску, бесконечность, загадочность, враждебность, страшный мир и пр., но все — лишь приблизительно.
>
> Какое слово из традиционного терминологического репертуара естественно напрашивалось для обозначения нового приема? Символ. В привычной поэтике слово “символ” означало “многозначное иносказание”, в отличие от “аллегории”, однозначного иносказания» [26, с. 452].

Такое разграничение однозначного и многозначного иносказаний в наше время кажется как ученым-филологам, так и студентам привычным и понятным. Тем не менее важно обратить внимание на то, что Гаспаров отмечает их отличие, опираясь не только на классическую риторику, но прежде всего на Брюсова: для теоретика и практика русского символизма такое разграничение оказывается ключевым. В «Московских декадентах» Брюсов предпринял попытку интуитивно различить «символ» и «аллегорию»:

> «Аллегория есть разгадывание, а символ — угадывание! Если я создаю аллегорию, я всегда имею в виду центральную фигуру действительную, а аксессуары фантазирую. Если я создаю символ, я просто набрасываю штрихи, символизируя свое душевное настроение, я не даю самого настроения, а ряд мелочей, обрывков, штрихов, остальное предоставляя отгадать читателю. При аллегории же я даю только своего рода ребус, который зритель или читатель должны разгадать» [22, с. 37].

Восприятие Брюсовым символа и аллегории требует отдельного разговора[4]. В приведенном высказывании, как очевидно, понятия противопоставлены антитетично, что, возможно, еще более уточняет понятие «антиэмфаза», предложенное Гаспаровым для анализа модернисткой поэтики. Однако уже сейчас можно с уверенностью говорить о том, что антиномичность, по мысли ученого, неразрывно связана и более того, играет особую роль там, где возникает расширение и размывание значения.

---

[4] В «Апологии символизма» Брюсов оспаривал толкования символа и аллегории Ф. Брютеньером [10, с. 260]; см. подробнее: [10].

В.Я. Брюсов: истина и вымысел

Когда Брюсову указывали на его рационализм, он горячо поддерживал эту характеристику. Д.Е. Максимов отмечал, что своей трезвостью, своей уравновешенностью и даже рационалистичностью он выделялся на фоне остальной символистской литературы [10, с. 256][5]. Таким образом, изначально наметились два противоположных полюса, заданных отчасти самим Брюсовым: Брюсов-теург и Брюсов-рационалист.

Антиномия интересовала Брюсова не только как художественная задача. Она стала той точкой, где сошлись его философские и научные интересы. Для поэта антиномия — один из принципов научного познания. В статье «Истины» (1901) Брюсов настаивал на том, что мысль (и шире — сама жизнь) возникает «из сопоставления по меньшей мере двух начал. Единое начало есть небытие, единство истины есть бессмыслие. Не было бы пространства, не будь правого и левого; не было бы Нравственности, не будь добра и зла. Множественность начал — вот третья аксиома мышления» [21, с. 56]. Возникновение нового смысла в месте, где сополагаются противоположные понятия, расширение значения — свойство антиномической модернистской поэтики, подмеченное Гаспаровым и предложенное в качестве универсальной характеристики поэтического творчества выбранного им периода.

Множественность начал отсылает нас к бесконечному процессу познания. По Брюсову, истина получает свою ценность только тогда, когда становится частью какого-либо миросозерцания, именно поэтому можно говорить о наличии множественности истин, в том числе и истин противоположных:

> «“Всё в мире имеет свою причину” — вот истина; но и противоположное утверждение: причина есть категория рассудка — тоже истина. Мало того, ценная истина непременно имеет прямо противоположную, соответствующую ей истину; иначе сказать — суждение, прямо противоположное истине, в свою очередь истинно» [21, с. 57][6].

---

[5] Идеологически окрашенное литературоведение советского времени всячески подчеркивало эту особенность Брюсова, делая акцент на том, что никому из мистиков и специалистов по экскурсу в подсознание он не сочувствовал; в данном случае оно совершенно верно оценивало рационалистические устремления поэта.

[6] Здесь же Брюсов сформулировал еще одну важную идею, которая ляжет в основу дальнейших исследований его творчества: «Создания искусства без отношения к человеку — к художнику-творцу и к воспринимающему чужое творчество — есть

Эта мысль будет важна в контексте противопоставления научного метода познания и поэтического постижения истин. Нет необходимости напоминать, что для Брюсова искусство было настоящим и единственным центром эстетической системы. Как в этой системе координат соотносились истина и вымысел (художественное творчество)[7]? В своих размышлениях о трех аксиомах мышления поэт, стараясь придерживаться строгого логического анализа, приводит необходимые доказательства и умозаключения, но завершает свое рассуждение изложением особенностей способа, каким познает истины поэт (но не ученый). Противопоставленные способы оказываются здесь равноправными и антиномичными. Более того, в статье о литературной жизни Франции настаивает не на контрадикторности, а на плодотворном сосуществовании истины и вымысла. «Заметим еще, что древние не знали вражды между наукой и искусством» [21, с. 175], — подытоживает Брюсов, обозначая антиномические полюса.

Антиномия истины и вымысла — одна из ключевых антиномических пар, с учетом которой теоретики и историки литературы осмысляли творческие поиски Брюсова. Далеко не всегда указанная проблематика звучала раньше и звучит теперь в современных работах в строго определенном ключе, а иногда и вовсе существовала подспудно, в том числе и для тех исследователей, которые сознательно выбирали инструменты анализа и моделировали различные подходы к наиболее зыбкой точке литературоведческой методологии — теории и практике интерпретации [17, с. 11].

Исследовательский взгляд М.Л. Гаспарова

Некоторые предварительные замечания относительно методологических пристрастий М.Л. Гаспарова сделала Д.М. Магомедова в ходе анализа его работ, посвященных Вяч. Иванову:

> «Трезвое, точное отношение к фактам, тексту, неприятие смешения научных задач с мифологией, — путь М.Л. Гаспарова. Путь безукоризненно

не более как размалеванный холст, обточенный камень, связанные в периоды слова и звуки <…> Искусство существует только в человеке, и нигде более» [21, с. 48].

[7] Применительно к символистской поэтике нас будет интересовать антиномия истины и вымысла (где вымысел ≠ ложь). Художественный вымысел понимается в аристотелевском смысле — как один из членов указанной антиномии. Ср. точку зрения А.Ф. Лосева, согласно которой творчество «есть искусство как художественный вымысел, действительное и допустимое, но “непостоянное” по своей природе познание» [8, с. 285].

честный, но, разумеется, не всеохватный. Второй путь — гораздо более рискованный, связанный с попытками соединить филологические задачи с философской или религиозной проблематикой», — соответственно, путь С.С. Аверинцева» [9, с. 683].

В обозначенной симпатии Гаспарова к брюсовскому подходу к точности и строгости просматривается некая солидарность с поэтом. В «оправдательной» статье «Брюсов и буквализм», содержащей призыв пересмотреть взгляды на буквализм Брюсова в частности и буквализм в целом, пространно говорится об особенностях восприятия творчества писателя и поэта в разные периоды. Вопрос об отношении к истине и вымыслу логически выводится из анализа Гаспаровым брюсовских задач — стремления в переводе передать не только каждую фразу, соответствующую подлиннику, но и ее грамматическую форму, что намного сложнее [24, с. 48–49]. Для ответа на вопрос, зачем это необходимо поэту, Гаспаров предлагает «далеко углубиться в характеристику взглядов Брюсова на историю культуры» [24, с. 49], отмечая, что такой взгляд соответствует брюсовской творческой лаборатории после 1917 г.: научный взгляд сменяет эстетическое отношение к предмету. Парадоксально при этом, что для иллюстрации этого тезиса ученый привлекает романы 1910-х гг., заостряя внимание на их насыщенности и даже перенасыщеннности историческими подробностями.

Так, дотошное воспроизведение деталей и примет времени обнаруживается в романе «Алтарь Победы», для которого Брюсов выбрал достаточно далекий и очень непростой период — Рим в начале эпохи христианства. Для многих читателей чтение было затруднительным из-за обилия детализованных описаний (богатых одежд с указанием на цвет (желтый, золотой, пурпурный и др.) [24, с. 291], обуви, украшений с драгоценными камнями, видов причесок — всего того, что создает совокупный внешний портрет знати Рима той эпохи). Исследователи же отмечали, что намерения автора были не столько художественными, сколько научными, поскольку целые страницы исторических комментариев и библиография, выпущенная вместе с книгой, содержали многочисленные сведения, не имеющие прямого отношения к сюжету романа, но значимые с точки зрения фактографичности [19, с. 175]. Функцию изображения различных культур в произведениях Брюсова Гаспаров характеризует словами «Духа последней колдуньи» из брюсовской пьесы «Земля»: «Каждая из культур идет по своему пути, все они самозамкнуты и самоценны; у каждой “из них было свое назначение: явить новый лик истины, доступной уму человека”» [24, с. 51].

Показателен в этом отношении и более ранний роман-мистификация «Огненный ангел» (1908), который вводится Брюсовым через обширное «Предисловие русского издателя», где читателя заверяют, что текст — подлинная рукопись XVI в., написанная готическим шрифтом, переведенная на русский язык (и по этой самой причине снабженная объяснениями переводчика) [19]. Более того, Брюсов стремился придать получившемуся вымышленному тексту строгую документальность, в буквальном смысле — научную точность, для чего он готовил зарисовки костюмов со всеми приметами эпохи. Если первое издание «Огненного ангела» украшено авторскими виньетками и снабжено несколькими изображениями, имитирующими изображения эпохи романа, то для второго издания Брюсов значительно расширяет иллюстративный материал и примечания, заново пишет предисловие, где отмечает, что украшения книги воспроизводят гравюры конца XV и XVI вв.: «Исключение составляет одно воспроизведение гравюры самого начала XVII в., которой мы должны были воспользоваться, так как не нашли более раннего гравированного портрета Фауста» [20, с. VIII] (см. подробнее: [3]). Как справедливо отмечает А.В. Лавров, Брюсов был уверен, что привлечение научных данных, полное погружение в мир культуры описываемого периода «открывает художнику новые горизонты, новую глубину, новые темы для творчества» [6, с. 77]. Действительно, именно таковой была эстетическая телеология Брюсова. В его задачи входило и предугадывание будущего[8], так как закономерности прошлого, осознанные и обдуманные, могли бы приблизить его к постижению истины. Поэт должен, «соприкасаясь через “миф” с тайной прошлого, угадать будущее, снять с него “завесу времен”» [4, с. 30]. Недаром и для своих стихотворений Брюсов отбирает и героические мифы («К олимпийцам» «Одиссей», «Эней»), и миф о творчестве («Дедал и Икар»), и миф о красоте любви («Орфей и Эвридика») [4, с. 30].

Истина в таком случае может быть постигнута только на страницах произведения, представляющего собой синтез художественного и научного методов познания. Для Гаспарова антиномия вымысла и истины является продуктивной при рассмотрении творчества конкретных модернистов и выявлении взаимосвязи их художественного опыта и философских воззрений, в том числе взглядов на роль писателя в культуре. Таким образом, можно утверждать, что некоторые теоретические выкладки в статье Гаспарова об антиномичности по-

[8] Об этом пишет А.В. Леденев в статье, посвященной Набокову, отталкиваясь именно от брюсовского понимания задач поэта [8].

этики русского модернизма были инициированы анализом категорий истины и творческого вымысла, содержащихся в программных статьях Брюсова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
2. *Герасимов К.С.* Научные интересы Валерия Брюсова в его поэтическом творчестве: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1964. 21 с.
3. *Дровалева Н.А.* Портрет как предмет изображения в отдельных прижизненных изданиях романа В.Я. Брюсова «Огненный ангел» (литература и книжная графика) // Новый филологический вестник. 2017. № 2(41). С. 110–118.
4. *Колобаева Л.А.* Полифункциональность неомифологизма в творчестве символистов (В. Брюсов, Вяч. Иванов, И. Анненский) // XII Лосевские чтения: Античность и русская культура Серебряного века / отв. ред. Е.А. Тахо-Годи, М.Ю. Эдельштейн. М.: Изд-во ФАИР, 2008. С. 27–37.
5. *Коробейников Е.В.* «Мечта» как особая философская категория мировоззрения В. Брюсова // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. Вып. 5. С. 229–235.
6. *Лавров А.В.* Русские символисты: этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда, 2007. 629 с.
7. *Леденев А.В.* От Владимира Дарова — к «Дару» Владимира: В. Брюсов и В. Набоков // Брюсовские чтения 2002 года. Ереван: Лингва, 2004. С. 108–124.
8. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: в 8 т. М.: АСТ, 2000. Т. 4: Аристотель и поздняя классика. 878 с.
9. *Магомедова Д.М.* Работы М.Л. Гаспарова о Вяч. Иванове // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 677–683.
10. *Максимов Д.Е.* «Апология символизма» Брюсова и его эстетические взгляды 90-х годов // Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. М.Н. Покровского. Л.: [б. и.], 1940. Вып. 2. Т. IV. С. 255–269.

11. *Марков А.В.* Скрытый разговор М.Л. Гаспарова и В.В. Бибихина о Брюсове и рождение академической публичности в 1990-е годы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 1 (94). С. 96–100.
12. Материалы к библиографии В.Я. Брюсова: 1974–1994 / сост. Э.С. Даниелян. Ереван: Лингва, 2010. 489 с.
13. *Мурашов А.Н.* Проблема неоклассицизма в русской поэзии 10–20-х годов XX века: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 16 с.
14. *Слинько М.А.* Философия творчества и творческой личности в стихотворении В. Брюсова «Сонет к форме» // Русская литература и философия: постижение человека: Мат. Всерос. науч. конф. Липецк: Ред.-изд. центр ЛГПУ, 2002. С. 176–178.
15. *Тайлакова Е.С.* К вопросу о философско-эстетических взглядах В.Я. Брюсова // Творческая индивидуальность писателя в контексте культурной традиции: сб. ст. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т, 2012. С. 95–102.
16. *Устинов А.Б.* Поэтические прогулки Василия Комаровского или частный случай «антиномичности поэтики русского модернизма» // В.Я. Брюсов и русский модернизм. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 92–131.
17. *Хализев В.Е.*, *Холиков А.А.*, *Никандрова О.В*. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е гг.). М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 176 с.
18. *Чиндин И.В.* Философские аспекты творческой эволюции В.Я. Брюсова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2. С. 90–96.
19. *Peterson R.E.* A History of Russian Symbolism. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1993. 254 p.

Источники

20. *Брюсов В.Я.* Огненный ангел. 2-е изд., испр. и доп. примеч. М.: Скорпион, 1909. 374 с.
21. *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 6. 656 с.
22. *Брюсов В.Я.* Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Сов. писатель, 1990. 720 с.
23. *Гаспаров М.Л.* Академический авангардизм. Природа и культура в поэзии позднего Брюсова. М.: РГГУ, 1995. 40 с.
24. *Гаспаров М.Л.* Брюсов и буквализм // Поэтика перевода: сб. ст. М.: Радуга, 1988. С. 29–62.
25. *Гаспаров М.Л.* Избранные статьи: О стихе. О стихах. О поэтах. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 478 с.

26. *Гаспаров М.Л.* Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология / сост. И. Багдасарян и др. М.: Наука, 1993. С. 5–44.
27. *Гаспаров М.Л.* Избранные труды: в 3 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. II. 501 с.